

А.В. Хлопьянов (Москва, Россия)

**Поэтика военной прозы К.Г. Паустовского
(опыт лингвостилистического и лингвокультурологического анализа
рассказов «Снег» и «Белая радуга» в иноязычной аудитории)**

Аннотация: В статье приводится тематико-стилистический анализ двух рассказов Паустовского, который помогает читателю, особенно изучающему русский язык как иностранный, сконцентрировать внимание на стилистически маркированных языковых единицах. На примере художественных текстов показаны возможности расширения культурологической компетенции иностранных учащихся и приобщения их к русской истории и культуре.

Ключевые слова: стратификация текста, стратум, выражение эмоции, оценочное определение, пейзаж, диалог

A.V. Khlopyanov (Moscow, Russia)

The Poetics of K.G. Paustovsky's War Prose (an attempt at a linguo-stylistic and lingua-cultural analysis of the stories "Snow" and "White Rainbow" for a foreign-language audience)

Abstract: The article provides a thematic and stylistic analysis of two of Paustovsky's short stories, which helps the reader, especially those studying Russian as a foreign language, to focus on stylistically marked linguistic units. The article uses literary texts to demonstrate the potential for expanding the cultural competence of foreign students and introducing them to Russian history and culture.

Key words: text stratification, stratum, expression of emotion, evaluative definition, landscape, dialogue

Нередко некоторые рассказы К.Г. Паустовского становятся материалом для обучения русскому языку иностранных учащихся, чему способствует их относительно небольшая протяженность и тематическое разнообразие. Перечитывая рассказы писателя, невольно ловишь себя на мысли, как автору удается создать столь уютную атмосферу в художественном пространстве своих произведений, в которую с радостью погружаешься в любом возрасте.

Обратимся к двум рассказам – «Снег» (1943) и «Белая радуга» (1945), написанным Паустовским в годы Великой Отечественной войны, особенно тяжелое для всей страны время. «Война – дело жестокое, но не надо воспевать ожесточивши-

еся характеры. Все-таки писать надо о добром, благородном и красивом в человеческой душе...» – говорил писатель на встрече с посетителями его творческих семинаров в Литературном институте [Медников 1983: 98].

Герои названных рассказов имеют много общего: еще молодое, но уже не юное поколение, на долю которого выпали тяжелые испытания: фронт, эвакуация, ранения, потеря близких, – иначе говоря, все то, что лишает их привычного, довоенного мира. Однако именно эти непростые обстоятельства становятся причиной их встречи, кратковременной, но судьбоносной.

Стилистическая организация рассказов «Снег» и «Белая радуга» во многом схожа, что позволяет объединить их и в содержательном, но и в языковом плане. Она связана с установкой автора не просто раскрыть внутренний мир героев произведений, но и перенести читателя в их «внешний мир», в котором они оказались в силу обстоятельств. Так, в рассказе «Снег» можно выделить несколько (по меньшей мере три) тематико-стилистических стратума. К первому можно отнести те части текста, в которых показана жизнь героев до их знакомства (именно знакомства, а не встречи).

Молодая столичная певица Татьяна Петровна с маленькой дочерью после эвакуации оказалась в маленьком провинциальном городке на Севере, жизнь в котором кажется крайне неуютной: «Маленький дом – всего в три комнаты – стоял на горе, над северной рекой, на самом выезде из городка. За домом, за *облетевишим* садом, белела березовая роща. В ней с утра до сумерек *кричали* галки, носились тучами над *голыми* вершинами, *накликали ненастье*. Татьяна Петровна долго не могла привыкнуть после Москвы к *пустынному* городку, к его *домишкам, скрипучим* калиткам, к *глухим* вечерам...»¹. Паустовскому благодаря чрезвычайно точно подобранным эпитетам и предикатам (*облетевиший сад, голые вершины, глухие вечера, скрипучие калитки; кричали галки, накликали ненастье*) удается передать психологическое состояние молодой женщины, вероятно избалованной столичной жизнью («*всего* три комнаты»), вынужденной мириться с окружающей действительностью, в которой, по сути, вовсе нет ничего ужасного. Искреннее и весьма эмоциональное напряжение передается также и прямой речью, рассуждением про себя: «*Какая я дура! Зачем уехала из Москвы, бросила театр, друзей! Надо было отвезти Варю к няньке в Пушкино – там не было никаких налетов, – а самой остаться в Москве. Боже мой, какая я дура!*»

Буквально в нескольких непротяженных абзацах, которые мы отнесем к первому тематико-стилистическому пласту, автор рассказа представил фазы эмоций, которые испытывает человек, столкнувшийся с переменами в жизни: отрицание и гнев. Этап осмысления (торг), но никак не депрессии (!), наступает в жизни героини, когда «*Татьяна Петровна решила выступить в лазаретах – их было несколько в городке – и успокоилась*». Переломный момент в ее состоянии наступает с приходом зимы: снег преобразует город, меняется отчасти и состояние героини (*городок начал ей даже нравиться*).

Схожие эмоции испытывает и молодой офицер, узнав о смерти отца и новых жильцах дома. Состояние Потапова передают простые предложения, которыми автор текста, словно штрихами, обозначает главное – то, что видит сам герой рассказа («*Над рекой висело сизое небо. ...По унавоженной дороге ходили галки. Темнело. Ветер... выдувал из глаз слезы*»). Так же, как и в случае с Татьяной Петровной, внимание читателя не может не привлечь внутренний монолог Потапова, разумеется,

¹ Паустовский К.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6: Рассказы. М., 1983 (далее цитаты приводятся по указанному изданию).

не столь эмоциональный, а, скорее, с философским оттенком: «*Ну что ж! Опоздал. И теперь все для меня будто чужое – и городок этот, и река, и дом. ...Ну что же, с каждым днем делаешься взрослее, все строже смотришь вокруг*».

Ко второму тематико-стилистическому пласту можно отнести те части рассказа, в которых происходит знакомство героев, меняющее их отношение к действительности, к сложившимся обстоятельствам. Татьяна Петровна знакомится с Потаповым заочно, через его письмо к отцу, которое пришло слишком поздно и не застало адресата («Татьяна Петровна зажгла свечу на столе, села в кресло, долго смотрела на язычок огня, – он даже не вздрагивал. Потом осторожно взяла одно из писем, распечатала и, оглянувшись, начала читать»). Нейтральная лексика расширяет в тексте рассказа свою семантическую структуру, о чем очень удачно пишет З.Н. Бакалова в одной из своих статей – «слово *осторожно* в контексте *распечатала одно из писем* – отнюдь не отрицание опрометчивости, а скорее этическое сомнение. Читать чужие письма не полагается» [Бакалова 2018: 939].

Третий стратум рассказа, на наш взгляд, составляют письма Потапова: первое – из госпиталя – адресовано отцу, второе – Татьяне Петровне – написано по дороге на фронт. Тексты писем отличаются особым настроением, лиризмом, так как герой делится сокровенным с самими близкими ему людьми. Читатель обращает внимание на стилистическую неоднородность этих вставных элементов рассказа: с одной стороны, это привычные разговорные обороты типа «*милый мой старик*», что естественно для письма близкому человеку, с другой стороны, мы видим желание молодого офицера выразить свои сильные чувства – преданность отцу, родному дому, Родине (в первом письме) и свою до конца еще не осознанную любовь к женщине, которую он видел один день, но знает всю жизнь, например: «*...я вспоминал об этом в самые страшные минуты боя. Я знал, что защищаю не только всю страну, но и вот этот ее маленький и самый милый для меня уголок...*»; или во втором письме: «*...мимо меня прошла женщина, которая могла бы и разрушить всю мою жизнь, и дать мне огромное счастье*».

В рассказе «Белая радуга» также можно выделить несколько тематико-стилистических стратумов, однако их организация и взаимосвязь несколько отличаются от рассказа «Снег», что также объясняется содержанием произведения.

Первый стратум составляют части рассказа, в которых показана, условно говоря, «проза жизни» – восприятие мира через призму своего отношения к нему – двух людей, тяготящихся своим одиночеством. Автор использует преимущественно простые предложения, в редких случаях с элементами осложнения (однородные члены, обособленные определения или обстоятельства). Ключевыми словами, своеобразными опорными маркерами, становятся эпитеты и предикативные единицы («*угрюмой стеной стоял хребет Алатау*», «*город казался зловещим от ее [луны. – А.Х.] пронзительного света*», «*над крышами Москвы лежала мутная ночь*»).

Уезжая из города на фронт, Петров «не оставлял здесь... ничего, кроме ощущения своей *остановившейся жизни*», и покинутый город «становился воспоминанием – *неясным и неправдоподобным*». Схожее настроение читатель наблюдает и у Елены Петровны, героини рассказа, пребывающей в рассуждении о тоскливом существовании в одиночестве. Из-за набежавшей слезы Елене Петровне кажется, что «свет фонаря на перекрестке сразу сделался *колючим*, как сусальная елочная игрушка».

Грустные размышления героини прерывает телефонный звонок Петрова, на удачу набравшего записанный чужой номер («*осторожно* зазвонил телефон»). Внимание читателя непременно привлечет интересная деталь. Переход героини рассказа из од-

ного состояние в другое сопровождается авторским употреблением лексики *осторожно*, как и в рассказе «Снег» («осторожно взяла одно из писем...»). Немногословный диалог героев рассказа, когда одному сложно объяснить, а другому – понять происходящее, на наш взгляд, можно отнести ко второму тематико-стилистическому стратуму по ряду причин. Во-первых, диалоговая форма лишена многочисленных эпитетов, описаний, однородных членов; во-вторых, диалог двух незнакомых людей делает их осторожными в выборе фраз, так как сложно предугадать реакцию собеседника, поэтому начальные фразы обрывисты, не закончены. По мере понимания ситуации речь Елены Петровны меняется, становится более эмоциональной, располагающей, наполняется уточняющими вопросами, что свидетельствует об искреннем интересе героини к происходящему («Неужели по голосу? Какой же вы, однако, чужак. Когда вы уезжаете? Я не знаю, что и думать... Конечно, обидно. Тяжело ранены? В голову? ...Нельзя вам ходить ночью по Москве! Нельзя!»)

Диалог, состоявшийся между героями на вокзале, немногим отличается от телефонного разговора, поэтому его также можно отнести ко второму тематико-стилистическому стратуму.

Третий стратум составляют авторские описания героев, вступивших в новый этап своей жизни: они мысленно вместе, пора их одиночества прошла. Вместе с обретенным чувством любви и счастья, противоположным одиночеству, появляются и языковые единицы, передающие состояния героев, – оценочные определения, предикаты («город встретил белизной снегов и огромным солнцем в чистом по-весеннему небе», «чистейшим синеватым льдом отсвечивали хребты Алатау», «ощущение неправдоподобного и нестерпимого счастья»).

Переплетение тематико-стилистических слоев, стратумов, позволяет автору более полно, контрастно передать эмоции и чувства героев рассказа, при этом оставаясь в нейтральном стилистическом пространстве. Это позволяет сохранить язык простым, легким, поэтичным, без перегрузки художественными приемами – «простота высшей пробы». Обаяние малой прозы Паустовского во многом обязано тонкому языковому чутью писателя и его деликатному («осторожному») обращению с лингвистическим материалом, что, несомненно, делает ее уникальной.

ЛИТЕРАТУРА

Медников А. Уроки мастерства // Воспоминания о Константине Паустовском. М., 1983. С. 86–100.

Паустовский К.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6: Рассказы. М., 1983. 623 с.

Бакалова З.Н. Рассказы К.Г. Паустовского о любви: филологический анализ // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Ижевск, 2018. Т. 28. Вып. 6. С. 937–941.

Сведения об авторе:

Александр Владимирович Хлопьянов,
кандидат филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander V. Khlopyanov,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

runlet@bk.ru